

и др. В 1998 вышел 1-й т. «Избранного» К., удостоенный русско-итальянской премии «Москва–Пенне» (1999). Романы «Голова Гоголя», «Эрон», «Человек-язык» в разные годы были в списках произведений, выдвинутых на Букеровскую премию. К. член СП (с 1991) и международного ПЕН-клуба (с 1996). Романы «Голова Гоголя» и «Эрон» переведены на некоторые иностр. яз.

В 2003 был опубликован ранний сюрреалистический роман К. «Дракон». Издатель книги А. Бердичевская определяет его жанр «как бы немецким словом *жизнечеловеко-текст*. С картинками». Автор поместил текст романа в автобиографический и творческий контекст, включив в книгу предисл., собственные рисунки разных лет, программное для писателя эссе «Свобода и человек», множество фотографий из личного архива с комментариями и новомирскую рецензию Ю. Домбровского. В романе 2004 «**Быть Босхом**» К. впервые обратился к автобиографическому материалу — времени службы в дисбате дознавателем. Безжалостная жизнь советской солдатской зоны и фантастическая реальность картин и вымышленной герою жизни И. Босха зеркально отражаются друг в друге по силе проявления в них зла. В 2005 К. получил премию им. Ап. Григорьева за лучший роман года.

Соч.: Проза: Рисунок на вольную тему: повесть // Урал. 1970. № 4; Страж западни. М., 1984; Ожог линзы: Повесть, рассказы, роман. М., 1988; Блустители неба: роман. Пермь, 1992; Избранное. Однотомник прозы: Гений местности. Голова Гоголя. Эрон / предисл. К. М., 1998; Охота на ясновидца: роман. М., 1998; Голова Гоголя: роман. Дама пик. Носы: коллажи. М., 2000; Змея в зеркале. Интеллектуальный триллер // Дружба народов. 2000. № 10; Человек-язык: роман. М. 2001. Эссе и статьи: Пушкин и Фаворский: Иллюстрация как опыт исследования художественного текста: эссе. Контекст-1989. М., 1989; Гримаса Гегеля: эссе // Москва. 1991. № 1; Между Христом и Сатаной: Отрывок из эссе о романе Булгакова «Мастер и Маргарита»: «Брак света и тьмы. Философия закатного романа» // Театральная жизнь. 1991. № 13–15; Архипелаг Солженицын: эссе // Basler Zeitung. Базель, 1998. № 298. Дек.; Человек и язык бытия / беседу ведет Елена Иваницкая // Дружба народов. 2002. № 1. Критика без литературы. По поводу статьи И. Роднянской «Гамбургский ежик в тумане» // Знамя. 2001. № 7; Классика Ru. Размышления осколка // НГ Ex libris. 2004. 18 нояб. С. 3.

Лит.: Шкловский Е. Ускользящая реальность // Лит. обозрение. 1991. № 2; Иваницкая Е. Неощутимость вечного // Лит. обозрение. 1991. № 8; Киреев Р. Обзор нетрадиционной прозы // Знамя. 1992. № 7; Архипов Ю. О пользе сравнений // Москва. 1993. № 1; Лакшин В. Берега культуры. М., 1994; Круглый стол: совр. проза // Вопр. лит-ры. 1995. Вып. 4; Зо-

лотоносов М. После бала: Культурологическая модель постсоветской культуры // Стрелец. 1995. № 1(75); Марченко А. Зовется вульгар... // Новый мир. 1995. № 4; Сердюченко В. Прогулка по садам российской словесности // Новый мир. 1995. № 5; Материалы обсуждения романа «Эрон» на кафедре русской лит-ры Пермского гос. университета // Знамя. 1996. № 9; Немзер А. Лит. сегодня. О русской прозе. 90-е. М., 1998; Нефагина Г. Русская проза второй половины 80-х — начала 90-х XX в. Минск, 1998; Золотоносов М. Милосердие XXI в. // Московские новости. 2000. № 23. 13–19 июня; Роднянская И. Гамбургский ежик в тумане. Кое-что о плохой хорошей лит-ре // Новый мир. 2001. № 3; Катаев В. Б. Игра в осколки: судьбы русской классики в эпоху постмодернизма. М., 2002; Марьянова И. А. Киновек русского текста: парадокс литературной кинематографичности. СПб., 2002; Шохина В. Патака, или Посторонний на корабле дураков // НГ Ex libris. 2004. 14 дек. С. 4.

Н. Н. Кякшто

КОРОЛЕНКО Владимир Галактионович [15(27).7.1853, Житомир — 25.12.1921, Полтава] — прозаик, публицист, критик, общественный деятель.

Отец писателя, Галактион Афанасьевич, был уездным судьей, известным кристальной честностью. К. унаследовал от него юридическую жилку, заметную во всех его общественных выступлениях. Отец умер в 1868, оставив семью без средств к существованию. Влиянию матери, Эвелины Иосифовны (урожденная Скуревич), дочери польского шляхтича, К. был обязан впечатлительностью и религиозным чувством.

Детство писателя прошло в Житомире и Ровно, куда семья переехала в 1866. Юго-Западный край отличался национальной и конфессиональной пестротой населения. В семье К. «мирно уживались, <...> две религии, две национальности и три языка» (Мякотин В. А. В. Г. Короленко. М., 1922. С. 4). Дети знали русский, польский и украинский яз., посещали православный и католический храмы и часто затруднялись с ответом на вопрос о национальности. Веротерпимость и абсолютная корректность К. в отношении к национальному вопросу были заложены в детстве.

Одним из важнейших гимназических впечатлений К. стала встреча с В. В. Авдиевым, определенным в 1869 в ровенскую гимназию преподавателем русского, яз. и словесности. К. отмечал впоследствии, что след этого человека осталась в его душе «переплетенным почти со всеми элементами <...> умственного и духовного роста» (РБ. 1908. № 2. С. 189). Во многом благодаря Авдиеву К. нашел свою

В. Г. Короленко

настоящую родину, «...и то была уже не Польша, не Украина, не Волынь, не Велико-россия, а великая область русской мысли и русской литературы» (Там же).

В 1871, окончив гимназию с серебряной медалью, К. приехал в Петербург и подал прошение о приеме в технологический ин-т. Выбор объяснялся тем, что аттестат реальной гимназии (а классической в Ровно не было) не давал права поступать в ун-т. К. намеревался подготовиться за год к экзамену по классическим яз. и перейти на юридический ф-т. Нужда заставляла перебиваться случайными заработками: рисованием географических карт, раскрашиванием ботанических атласов, корректурой и переводами. Материальные трудности вынудили К. в 1874 перебраться в Москву, где он был принят на первый курс лесного отделения Петровской академии. Там по совету В. Н. Григорьева он впервые познакомился со статьями идеологов народничества П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского. В Москве К. посещал собрания революционно настроенной молодежи. Весной 1876 за подачу коллективного прошения от имени 79 студентов (речь шла о недовольстве полицейскими порядками в академии) К. был исключен на год и выслан в Вологодскую губ., но уже в дороге получил разрешение проживать с родственниками в Кронштадте под надзором полиции. В 1877 К. вновь становится студентом — и опять безуспешно.

7 июня 1878 состоялся скромный публицистический дебют К.: в газ. «Новости», где он работал корректором, была напечатана заметка «**Драка у Апраксина двора**». В февр. 1879 К. передал в «Отечественные записки» свое первое худож. произведение — рассказ «**Эпизоды из жизни искателя**», отвергнутый М. Е. Салтыковым-Щедриным с формулировкой «...зелено очень». Г. А. Бялый отметил в «Эпизодах...» влияние «сентиментального» народничества в духе Н. Н. Златовратского (Бялый Г.— С. 25).

Приобретенная однажды репутация «опасного агитатора и революционера» осталась у К. на всю жизнь. В марте 1879 К. вместе с братом Илларионом был арестован по ложному подозрению в связях с подпольным изданием «Земли и воли» и выслан в Вятскую губ. В октябре — новая ссылка, в Березовские Починки «за сближение с крестьянским населением и за вредное вообще влияние». Знакомство с реальной жизнью починковских обитателей заставило К. усомниться в романтических представлениях о народе: «Я понял,— писал К. в „Истории моего современника“,— что судьба занесла меня не в чудесную страну какого-то особенного духа и особой народной правды, а просто я попал в глубину прошлого на несколько столетий».

В марте 1880 в Вышневолоцкой политической тюрьме, по пути в очередную ссылку, К. написал очерк «**Чудная**» (впервые: Прогресс. 1892. 19 февр.—18 марта (Нью-Йорк); в России: РБ. 1905. № 9; под заглавием «**Командировка**»). Произведение еще в рукописи было высоко оценено Г. И. Успенским. В «Чудной» К. впервые создал ситуацию, повторившуюся затем во мн. его произведениях: столкновение героев, обладающих различными, порой враждебными позициями — политическими, конфессиональными, культурными, социальными (в данном случае жандарма Гаврилова и революционерки Морозовой). Герой в такой ситуации оценивается писателем по его способности понять другого, найти возможность контакта, поставить человеческие (в основе христианские) ценности выше всего остального.

Проблемы, поднятые в «Чудной», свидетельствовали о начале серьезного мировоззренческого кризиса, разрешение которого произойдет уже в следующей, самой длительной и тяжелой ссылке — в якутской слободе Амга, где К. оказался в 1881 за отказ от присяги на верноподданство новому императору. Приведение ссыльных к присяге было формальностью. Но К., как во мн. др. случаях, не смог поступить против совести: «Я ис-

пытал лично и видел столько неправды от существующего строя, что дать обещание в верности самодержавию не могу», — написал он в заявлении об отказе от присяги.

3 года последней ссылки были заполнены активной деятельностью, в т. ч. и литературной. Здесь был собран материал для мн. позднейших произведений, написаны рассказы «Убивец» (1885), «В дурном обществе» (1885), более известный в сокращенном варианте для детского чтения как «Дети под землей», а также святочный рассказ «Сон Макара» (1885), в котором отразилось новое «настроение» К., сознательный отказ от революционной карьеры и отход от иллюзий «романтического» народничества. Позитивный вывод амгинского кризиса: «Любить этот народ — не в этом ли наша задача?» — отразился в сюжете произведения. Потерявший человеческий облик Макар преображается и обретает дар речи на Высшем суде, когда появляется сын старого Тойона (Тойон — якутски Бог), т. е. Христос, и обращается к крестьянину со словами любви.

В конце 1884, по окончании срока ссылки, К. приехал в Нижний Новгород, где провел самый счастливый и плодотворный период жизни (1884–96). Он становится популярным писателем, сотрудничает со мн. периодическими изд.: ж. «Северный вестник», «Русская мысль», «РБ», газ. «Русские ведомости», «Волжский вестник». В 1886 и 1892 выходят сб. его «Очерков и рассказов».

На сибирских впечатлениях основаны рассказы «Соколинец» (1885), «Федор Бесприютный» (в 1-й ред.: «По пути», 1888), «Черкес» (1888), в которых К. продолжил разработку народной темы. Глубокий интерес К. к духовной жизни народа, к его религиозным верованиям нашел отражение в рассказах: «За иконой» (1887), «Птицы небесные» (1889), очерках «На Волге» (1889), «На затмении» (1887) и «В пустынных местах» (1890). В этом ряду стоит и рассказ «Река играет» (1892), герой которого безалаберный, но добродушный и искренний перевозчик Тюлин оказывается ближе и понятнее автору, чем надменные сектанты «уреневцы». В худож. творчестве появилась и новая проблематика. Углубился интерес к философским вопросам. Герой повести «Слепой музыкант» (1886) испытывает неодолимую тягу к свету, которого никогда не видел. Символика произведения строится на «потемках души» (Батюшков Ф.— С. 50), на извечном стремлении человека к непознанному. В рассказе «Ночью» (1888) ребенок, чувствующий тайну

рождения и смерти, оказывается, по мнению К., мудрее и ближе к истине, чем логично рассуждающий студент-медик. В «фантазии» «Тени» (1891) нерассуждающая вера Елпидия, скептицизм Сократа и мистические прозрения Ктезиппа представлены как последовательные, бесконечно повторяющиеся этапы движения человека к Истине.

В июле–сент. 1893 К. вместе с С. Д. Протопоповым совершил путешествие в Америку на Всемирную выставку в Чикаго, посетив по дороге Швецию, Данию, Великобританию и Францию. Америка еще в 1870-х была идеалом революционеров, страной будущего, где решены проблемы, стоящие перед Россией, поэтому поездка была особенно интересна писателю. Впечатления отразились в очерках «Драка в доме (Парламент в Англии)» (1894), «В борьбе с дьяволом (Армия спасения)» (1895), «Фабрика смерти (Бойня в Чикаго)» (1896) и др. На американском материале был написан рассказ «Без языка» (1895), где К. ставит героев произведения, попавших в Америку, в свою излюбленную ситуацию, когда от способности человека к адаптации, к пониманию чужого языка и чужой культуры зависит не только его судьба, но и жизнь др. людей. Американская тема в творчестве К. имеет прежде всего «русское содержание»: «Только здесь чувствуешь сердцем и сознаешь умом, что наш народ, темный и несвободный, — все-таки лучший по натуре из всех народов!» — писал он из Чикаго 15/27 авг. 1893 (Избранные письма. Т. 1. С. 109).

Нижегородский период был временем активной общественной и публицистической деятельности К. Этой деятельностью К. «утверждал особое значение интеллигента в жизни: <...> интеллигента-гражданина, ведущего борьбу с разного рода злоупотреблениями и неправдами» (Батюшков Ф.— С. 53). К. начал с попыток ввести в обыкновенное посещение публикой земских дворянских и городских собраний, а также их огласку в прессе. Используя печатное слово, К. вынес на суд общественного мнения злоупотребления акционерного общества «Дружина». Сильный общественный резонанс в России получило дело Александровского дворянского банка, начатое благодаря частному расследованию К. и Н. Ф. Анненского. В 1891 К. принял активное участие в организации бесплатных столовых для голодающих. Впечатления этого времени легли в основу книги очерков «В голодный год» (1893). Одной из самых громких общественных акций писателя стала защита мултанских

вотяков, обвиненных в ритуальном убийстве. В мултанском процессе участвовали мн. видные русские юристы, такие, как А. Ф. Кони и Н. П. Карабчевский, но основная заслуга в оправдании вотяков приписывалась общественным мнением именно К. Ему было предоставлено последнее слово на заключительном судебном заседании в Мамадыше. Вотяки были оправданы. Несмотря на это, в прессе долго еще обсуждались детали процесса, высказывались сомнения относительно справедливости окончательного решения. Полностью вранта К. подтвердилась в 1927, когда были установлены имена истинных убийц.

В 1895 К. стал соиздателем ж. «РБ», идейное направление которого определялось прежде всего Н. К. Михайловским. В 1896 К. переехал в Петербург и стал основным редактором отдела беллетристики. Ежегодно ему приходилось прочитывать и обрабатывать от 100 до 500 рукописей. В отделе «Хроника внутренней жизни» появились его обширные обзоры на внутривосточные темы, написанные совместно с Анненским под криптонимом О. Б. А. Много хлопот было связано с участием в заседаниях Лит. фонда и др. общественными функциями. На собственное лит. творчество оставалось слишком мало времени. Тем не менее летом 1900 К. совершил длительную поездку в Уральск, где собирал материал для давно задуманного романа «Набеглый царь» о Емельяне Пугачеве. Результатом стал цикл очерков «У казаков» (1901).

В сент. 1900 К. переехал в Полтаву, где уже обосновалась его семья. За ним была сохранена должность члена редколлегии и руководителя беллетристического отдела «РБ». Более спокойный образ жизни писателя в Полтаве не замедлил сказаться на творчестве: в 1901 в «РБ» были опубликованы рассказы «Мороз» — о человеке, казнившем в себе подлую человеческую природу, а также «Последний луч» и «Государевы ямщики», основанные еще на сибирских впечатлениях, а в 1903 — «Не страшное», в котором К. затронул неожиданную для себя тему о роковом переплетении трагического и обыденного.

Полтавский покой длился недолго. В 1905 К. начал тесно сотрудничать с либеральной газ. «Полтавщина». В окт.-нояб. здесь вышел цикл его статей «Письма к жителю городской окраины», в котором выразился основной пафос публицистики писателя: «...нужно стремиться стать гражданами и своего города и, главное, также всего своего отечества». В 1906 К. встал на защиту кре-

стьян с. Сорочинцы, в котором свирепствовала карательная экспедиция Филонова. В статье «Сорочинская трагедия» (1907) К. не защищал бунтарей и не призывал к революционным потрясениям — он требовал лишь соблюдения законности.

Одним из ярчайших образцов публицистики К. стал очерк «Бытовое явление» (1910), направленный против смертной казни. Произведение вызвало сочувственный отклик Л. Н. Толстого.

В 1905 К. начал работу над главной книгой своей жизни «История моего современника» (впервые полностью: Полное посмертное СС. Т. 1–5). Автобиографичность «Истории...» не помешала ей стать летописью целого поколения. «Со стороны художественно-публицистического анализа души ребенка и юноши <...> воспоминания Короленко могут быть поставлены рядом с „Детством“ и „Отрочеством“ Л. Н. Толстого. Яркостью изображения эпохи, а равно глубиной и значительностью ретроспективных размышлений они напоминают „Былое и думы“ Герцена», — писал Д. Н. Овсянко-Куликовский (Вестник Европы. 1910. № 9. С. 59).

К. известен и как лит. критик. В воспоминаниях и статьях о писателях: «О Глебе Ивановиче Успенском» (1901), «Антон Павлович Чехов» (1904), «Лев Николаевич Толстой: Статьи первая и вторая» (1908), «Всеволод Михайлович Гаршин» (1910) и др. первостепенен психологический анализ личности автора, который во многом определяет отношение к его творчеству.

В статьях 1917 «Падение царской власти: Речь к простым людям о событиях в России» (май) и «Война, отечество и человечество: Письмо о вопросах нашего времени» (авг.) К. выступил как популяризатор демократических идей и понятий о патриотизме. Отношение писателя к событиям 1917 определенно выразилось в статье «Торжество победителей» (дек.), изобличающей лицемерие и нравственную несостоятельность представительской новой власти.

Во время Гражданской войны К. пришлось защищать не идеи и принципы, а отдельные человеческие жизни. Он проводил дни и ночи в хождениях по карательным учреждениям воюющих сторон, призывая к соблюдению хотя бы элементарных норм права, протестуя против широко распространенной практики бессудных расстрелов и казней в административном порядке.

К. неоднократно выступал с острой критикой большевизма, однако и к попыткам ре-

ставрации самодержавия относился скептически: «...теперь на русской почве стоят лицом к лицу две утопии. <...> Утопии реакционной противостоит другая утопия — большевистского максимализма» (Из дневников 1917–1921 гг. // Память. М., 1977; Париж, 1979. С. 395). Собственные представления К. о началах, на которых могла бы возродиться Россия, изложены в крупных публицистических циклах 1919–20. В 1919 был закончен очерковый цикл **«Земли! Земли!»** (1922), посвященный основному вопросу российских реформ и революций. Напоминающая об истории земельного вопроса в России, К. предостерегал от «неразумных крайностей» при его решении.

В 1920, после встречи с наркомом народного просвещения А. В. Луначарским, К. по просьбе последнего написал 6 писем, в которых выразил свое отношение к происходящему. **«Письма к Луначарскому»** (1922) стали духовным завещанием писателя. Наставляя на постепенном, «органическом» характере общественного развития, К. утверждал, что в России не было предпосылок для социальной революции, а происшедший политический переворот не имел с ней ничего общего. Он призывал уйти с пути насилия, объективно оценить ситуацию в стране и приступить к тяжелой и долгой работе по созданию условий для реального эволюционного развития общества. «Правительства погибают от лжи...— писал К.— Может быть, есть еще время вернуться к правде». В России «Письма к Луначарскому» были впервые опубликованы в 1988 и вызвали огромный общественный резонанс.

Современники не раз отмечали уникальность моральной личности К., называя его «нравственным гением», праведником русской лит-ры. Однако и творческая индивидуальность писателя по-своему уникальна. В творчестве К. соединил вещи, казалось бы, несовместимые: сильное религиозное чувство и пылкий интерес к естественным наукам, страстность публициста и сдержанность бытописателя, темперамент поэта и аскетизм фактографа. «Междуполярность» характеризует авторскую точку зрения в большинстве произведений писателя. Не утверждение какой-либо идеи, но стремление найти пути к гармонии разных идей и представлений определяет специфику позиции писателя.

Соч.: Полное посмертное СС: в 50 т. Харьков; Полтава, 1922–29. Т. 1–5, 7, 8, 13, 15–22, 24, 50–51; СС: в 10 т. М., 1954; СС: в 5 т. Л., 1989–91; История моего современника. М., 1965; Избранные письма: в 3 т. М.,

1932–36; Была бы жива Россия! Неизвестная публицистика 1917–1921. М., 2002.

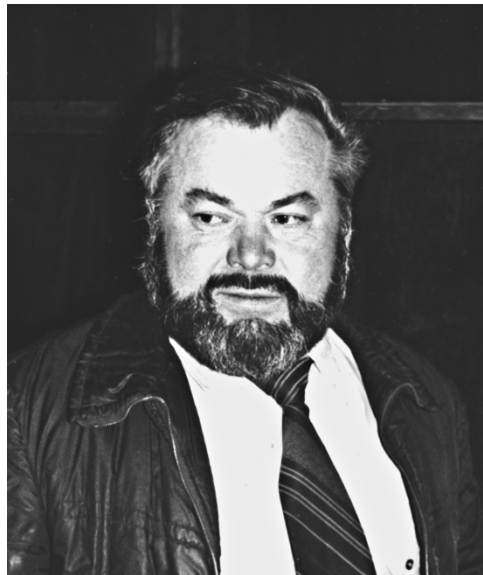
Лит.: Иванов И. И. Поэзия и правда мировой любви. СПб., 1900; Шаховская Н. Д. В. Г. Короленко. М., 1912; Батюшков Ф. Д. В. Г. Короленко как человек и писатель. М., 1922; Беренштам В. В. В. Г. Короленко как общественный деятель и в домашнем кругу. Берлин, 1922; Бялый Г. А. В. Г. Короленко. 2-е изд., перераб., доп. Л., 1983; Негретов П. И. Летопись жизни и творчества В. Г. Короленко: 1917–1921. М., 1990. *Comtet M. Vladimir Galactionovic Korolenko (1853–1921): L'homme et l'oeuvre: En 2 v. Lille-Paris, 1975.*

С. Я. Гуськов

КОРОТАЕВ Виктор Вениаминович [8.1. 1939, Вологда — 18.5.1997, Вологда] — поэт.

Детство, совпавшее с годами войны, провел в д. Липовицы Сокольского р-на Вологодской обл. Бабушка привила К. любовь к народному творчеству, родной деревне. Мальчик рано приобщился к чтению. К. начал писать стихи с 14 лет. Публиковался в областных газ., альм., сб. В 1963 окончил историко-филол. ф-т Вологодского педагогического ин-та. В 1963–65 служил в армии в Заполярье. Работал в газ. «Вологодский комсомолец». В 1962 в Вологде вышла первая книга стихов **«Экзамен»**. В 1965 после выхода книги **«Мир, который люблю»** принят в СП СССР.

В 1969 вышли 3 поэтических сб. К.: **«Мальчишки из далеких деревень»** и **«Жребий»** — в Москве, **«Липовица»** —

В. В. Коротаев